

ЕНИСЕЙСКИМ ЕПАРХИАЛЬНЫМ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1 и 15-го числа.

ПОДПИСКА принимается въ редак-
ціи: Гостинская ул., д. бывшій Сере-
бrenиковой.

Ц Ъ Н А годовому изданію съ
доставкою и пересылкою 6 руб.

1911 года.

№ 3.

1 февраля.

Содержаніе. Отдѣлъ officialный: Отъ Енисейской духовной
Консисторіи. Отчетъ Братства (Продолженіе.)

Объявленіе.

Отдѣлъ неофициальный: Отъ предсѣздной Пастырской Ко-
миссіи.—Эрнестъ Ренанъ (Окончаніе),—Хр. Соболева.—Къ вопросу объ участіи дух.
въ коопер. учрежденіяхъ (Окончаніе),—свщ. І. Парышева. Хроника Епархіальной
жизни.—Обзоръ печати.

Объявленія о журналахъ.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Отъ Енисейской Духовной Консисторіи.

Енисейская Духовная Консисторія, вслѣдствіе письма пред-
сѣдателя Совѣта старшинъ Всероссійскаго Національнаго Клуба,
съ просьбой оказать содѣйствіе къ распространенію юбилейныхъ
изданій Клуба, посвященныхъ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ
отъ крѣпостной зависимости, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ
церковно-приходскихъ школахъ и библіотекахъ, среди духовенства,

и въ виду того, что о юбилейныхъ изданіяхъ Всероссійскаго Національнаго Клуба объявленіе помѣщено въ № 49 Церковныхъ Вѣдомостей за 1910 г., что служить достаточнымъ удостовѣреніемъ о цѣлесообразности и пригодности изданій, — съ утвержденія Его Преосвященства, разрѣшаетъ причтамъ церквей епархіи приобрести, по желанію, рекомендуемыя Клубомъ книжки, брошюры, картины и проч. для ознакомленія прихожанъ съ событіемъ 19 февраля и для всесторонняго, по возможности, его освѣщенія.

О Т Ч Е Т Ъ

о дѣятельности Совѣта Енисейскаго Епархіальнаго Братства Рождества Пресвятыя Богородицы
(съ 8 сентября 1909 года по 8 сентября 1910 года).

(Продолженіе).

По словамъ миссіонера о. Орфеева, сектанты-баптисты г. Красноярска и уѣздовъ его района отказываются отъ публичныхъ бесѣдъ. Причиною этого является отсутствіе среди баптистовъ начетчиковъ, хорошо знающихъ свое дѣло. Въ отчетномъ году о. Орфеевъ дѣлалъ мѣстнымъ начетчикамъ-баптистамъ—Хмырову, Бекишеву и Рыженко—предложеніе побесѣдовать по вопросамъ вѣры, но всякій разъ они рѣшительно отказывались. Поэтому единственными способами борьбы съ сектантами о. Орфеева были частныя бесѣды съ заблудшими (впрочемъ, иногда эти бесѣды происходили при довольно большомъ стеченіи сектантовъ и православныхъ, какъ, напр., бесѣда во дворѣ моленной у Красноярскихъ баптистовъ), миссіонерскія чтенія, проповѣдь при богослуженіяхъ и подготовка къ миссіонерскому служенію нѣсколькихъ изъ ревнителѣй Православной Церкви простецовъ, каковы, напр., въ городѣ Красноярскѣ желѣзно-дорожный служащій Иванъ Зубовъ, Димитрій Дубининъ, въ селѣ Устюгѣ мѣстный крестьянинъ Павелъ

Чупровъ. Особеннаго вниманія, какъ ревнитель Православія среди сектантовъ, заслуживаетъ Дубининъ: онъ весь отдался миссіонерской работѣ мѣстныхъ сектантовъ-баптистовъ; онъ почти ежедневно вечерами посѣщаетъ ихъ дома, а въ праздничные дни непременно бываетъ въ ихъ собраніяхъ, гдѣ обычно, при полномъ составѣ сектантской общины, съ успѣхомъ проводитъ миссіонерскія бесѣды. За послѣднее время сектанты-баптисты, убѣдившись въ его большихъ знаніяхъ Слова Божія и въ опытности вести полемическія съ ними бесѣды, стали избѣгать съ нимъ бесѣдовать.

Какъ частныя бесѣды съ заблудшими, такъ и миссіонерскія чтенія, устраиваемыя о. Орфеевымъ съ свящ. о. Николаемъ Смирнскимъ въ Спасской Желѣзнодорожной Церкви, были, главнымъ образомъ, по вопросамъ, особенно пререкаемымъ мѣстными сектантами—о крещеніи младенцевъ, о почитаніи св. иконъ и св. Креста, о святыхъ мощахъ, о св. Писаніи и св. Преданіи. На миссіонерскихъ чтеніяхъ какъ въ г. Красноярскѣ, такъ и въ уѣздахъ Красноярскомъ и Канскомъ, свящ. Орфеевъ раздавалъ народу бесплатно брошюры по вопросамъ миссіонерскимъ и, нужно сказать, что эти брошюры нѣкоторымъ приносили существенную услугу при встрѣчѣ съ сектантами.

Какъ отрадный фактъ, въ отчетномъ году нужно отмѣтить обращеніе въ православіе изъ баптизма крестьянина села Устюжскаго Павла Чупрова. Чупровъ—старожилъ этой деревни, былъ ревностнымъ православнымъ христіаниномъ, но не дальше, какъ года три тому назадъ, Чупровъ вдругъ покидаетъ Православную Церковь и переходитъ въ баптизмъ, тамъ также заявляетъ себя ревностнымъ послѣдователемъ новаго для него вѣрованія. Но, познакомившись ближе съ сектантами и ихъ жизнью и разочаровавшись въ нихъ, онъ снова обратился къ Православной Церкви. Теперь онъ рассказываетъ своимъ односельчанамъ—православнымъ, что жизнь баптистовъ и, главнымъ образомъ, ихъ вѣрованія не настолько привлекательны, какъ кажутся со стороны: поразило Чупрова у баптистовъ, напр., то, что много у нихъ дѣлается тайно

ото всѣхъ, даже отъ своихъ единовѣрцевъ, не правилась ему ихъ гордость и заносчивость предъ православными и особенно самовосхваленіе своей безгрѣшности, въ чемъ Чупровъ увидѣлъ прямое противорѣчіе словамъ ап. Іоанна въ 1-мъ посланіи (1, 8): „если говоримъ, что мы грѣха не имѣемъ, обманываемъ самихъ себя, и истины въ насъ нѣтъ.“ Теперь Чупровъ—опять ревностнымъ правосл. христіаниномъ и со слезами на глазахъ, съ чувствомъ горячаго раскаянія вспоминаетъ свою оплошность—совращеніе въ баптизмъ.

Но обращенія изъ баптизма въ лоно Православной Церкви составляютъ довольно исключительное явленіе.

Въ борьбѣ съ красноярскими баптистами принимаетъ участіе свящ. ж. д. Спасской церкви, о. Николай Смиренскій. Онъ устраиваетъ внѣбогослужебныя чтенія въ храмъ, организовалъ хоръ пѣвчихъ и организуетъ миссіонерскій кружокъ ревнителей Православія.

По уѣздамъ Минусинскому и Ачинскому энергичную борьбу съ сектантами вели помощ. миссіонера, свящ. В. Кузьминъ, миссіонеръ о. Василій Рождественскій, а также священникъ Субботинскаго прихода, о. Александръ Воскресенскій, свящ. Шушенскаго прих. о. П. Рудаковъ и др. Свящ. В. Кузьминъ совершилъ въ разное время нѣсколько поѣздокъ въ мѣстности, зараженныя сектантствомъ, именно въ с. Шушенское, дер. Мигну (Субботинск. прих.), дер. Очуры (Каптыр. прихода,), г. Минусинскъ и въ д. Іудину. Всѣхъ публичныхъ бесѣдъ въ теченіе 1909 года имъ произведено 17 съ сектантами и одна апологетическаго характера въ г. Минусинскѣ. Бесѣды были преимущественно съ баптистами. Въ селѣ Шушенскомъ, Минус. у., были произведены 4 бесѣды на темы: о св. преданіи, о рукотвор. храмѣ, о присягѣ и объ иконопочитаніи. Въ деревнѣ Мигнѣ бесѣды были на темы: о кажденіи и др. обрядахъ при богослуженіи, о 23-ей гл. ев. Матѳея относительно фарисеевъ, о внѣшнемъ видѣ священнослужителей (одежда и длин. волосы), о почитаніи св. креста, о таинствѣ св.

крещенія, о значеніи ветхозавѣтныхъ законовъ и обрядовъ, объ единствѣ вѣры, и др. Въ деревнѣ Очуры (Капт. пр.) произведено 2 бесѣды: одна на тему о священствѣ и о томъ, какъ нужно относиться къ недостаткамъ нѣкоторыхъ священнослужителей и къ взиманію духовенствомъ платы за требоисправленія, а другая—объ истинномъ смыслѣ иконопочитанія. Въ дер. Іудиной бесѣдоваль о семи таинствахъ и о жизни христіанской. Въ большинствѣ случаевъ на бесѣдахъ съ сектантами присутствовало очень много православныхъ, а также и приходскіе священники, которые въ свою очередь, также принимали участіе въ собесѣдованіи. Одновременно съ противосектантскими бесѣдами свящ. Кузьминымъ производились и бесѣды съ православными для назиданія ихъ въ вѣрѣ и благочестіи. То же дѣлали въ нѣкоторыхъ случаяхъ и приходскіе священники, которые, по словамъ о. Кузьмина, вообще „истинно по-братски содѣйствовали ему въ устройствѣ бесѣдъ какъ съ сектантами, такъ и съ православными своими прихожанами. Въ нѣк. мѣстахъ, пишетъ о. Кузьминъ въ своемъ отчетѣ, мы устраивали торжественное соборное богослуженіе, какъ, напр., въ прекрасномъ Субботинскомъ храмѣ, гдѣ совершена была литургія съ акафистомъ Спасителю, при участіи: приходск. свящ. о. А. Воскресенскаго, Шушенск. свящ. о. П. Рудакова, минус. мис. о. В. Рождественскаго и моемъ. При этомъ нами было сказано пять проповѣдей на миссіонерскія темы: три за литургіей и двѣ за акафистомъ“.

Собесѣдованія съ сектантами происходили иногда въ храмѣ, иногда въ школѣ, а иногда и просто въ крестьянской избѣ. Общее пѣніе молитвъ и псалмовъ совершалось въ началѣ и концѣ бесѣды, а также и во время перерывовъ для освѣженія вниманія слушателей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Комитетъ

Красноярскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода

доводить до свѣдѣнія причтовъ, церковныхъ старость и сельскихъ Обществъ Енисейской епархіи, что при Красноярской свѣчной лавкѣ и складѣ въ г. Енисейскѣ имѣются въ продажѣ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ:

предметы церковной ризницы: ризы — отъ 20 руб. и дороже, плащаницы на престольныя и выносныя отъ 8 руб., и прочіе предметы церковной утвари:

блюда разныя, вѣнцы брачныя, дароносицы. Евангелія, кадила, ковчеги, кресты молебные, крочила, кружки, купели, лампы, панихидницы, печати для просфоръ, подсвѣчники, предметы для освященія храма, свѣчи, мет. сосуды, ящики крестильные и другая утварь.

Имѣются также предметы изъ серебра: кресты молебные и наперенные, дароносицы, кадила, тѣльные крестики (на вѣсь). Кромѣ того, имѣются въ продажѣ, какъ въ Красноярской лавкѣ, такъ и на складахъ, за исключеніемъ Ачинскаго, ладанъ разныхъ сортовъ, масло деревянное, кадильный уголь, зажиг. нитки, церковное вино.

При заказѣ ризницы Комитетъ проситъ указывать матерію, цвѣтъ и рисунокъ, при заказѣ утвари — желаемый размѣръ предмета, а также приблизительно желаемую стоимость заказываемой вещи.

Заказы исполняются немедленно и аккуратно и отсылаются въ прочной упаковкѣ.

Въ виду крайне умѣренныхъ цѣнъ, расходы на счетъ покупателя.

Допускается разсрочка платежа.

Заказы направлять по адресу: г. Красноярскъ. Комитету Епархіальнаго свѣчнаго завода, — для телеграммъ: Красноярскъ, Свѣчному Комитету.

Комитетъ свѣчнаго завода принимаетъ также заказы на выписку всѣхъ церковно-утварныхъ товаровъ непосредственно съ фабрикъ. Утварь — отъ фирмы Оловянишникова — Москва.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Къ Духовенству Енисейской епархіи.

Отъ Подготовительной Комиссіи
къ Пастырскимъ Собраніямъ
будущаго 41-го Епархіальнаго
Съѣзда Духовенства.

По инициативѣ XXXIX Епархіальнаго Съѣзда Духовенства была организована проповѣдническая Комиссія для выясненія вопросовъ, касающихся постановки проповѣдническаго дѣла въ Енисейской епархіи.

Но послѣднимъ, XL мѣ, Епархіальнымъ Съѣздомъ Духовенства программа вопросовъ, подлежащихъ разработкѣ со стороны этой Комиссіи, много расширена. Въ новомъ своемъ назначеніи Комиссія принимаетъ на себя обязанность готовить матеріалъ на обсужденіе Пастырскихъ Собраній, имѣющихъ быть при будущемъ въ 1911 году очередномъ Епархіальномъ Съѣздѣ Духовенства.

Сомнѣнія нѣтъ, что современная намъ жизнь Православной Церкви поставила на очередь много такихъ вопросовъ, которые разрѣшеніемъ своимъ положительно не требуютъ отлагательства; они вызываютъ насъ, рядовыхъ служителей Церкви, непосредственно, насколько возможно ближе, вникнуть въ ихъ сущность и дать на нихъ тотъ или другой отвѣтъ; мы нравственно обязаны своей пастырской работой споспѣшествовать жизни Церкви въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, споспѣшествовать духовному развитію вѣрющей паствы и, наконецъ, мы, служители Церкви, и никто-либо другой должны создать для этого благопріятныя условія.

Теперь повсюду говорятъ о большомъ ростѣ сектантства, о болѣе чѣмъ индифферентномъ отношеніи къ Православной Церкви нашей интеллигенціи, — все вѣдь это такіе факты, которые не могутъ не обращать на себя нашего, отцы и братія, вниманія, тѣмъ болѣе, что въ современной намъ церковной и свѣтской литературѣ

указывается, что подобные факты являются показателем не только виновности всѣхъ отщепенцевъ отъ Православной Церкви, но и показателемъ разнаго рода дефектовъ въ жизни самихъ Православныхъ.

Такимъ образомъ, чтобы съ одной стороны предотвратить развитіе сектантства, а съ другой — способствовать благоустройству внутренней жизни Православной Церкви, намъ, пастырямъ Церкви, необходимо объединиться въ дѣлѣ посильнаго отъ насъ удовлетворенія назрѣвшихъ нуждъ церковно-приходской жизни.

До сего времени въ нашей епархіи попытки къ этому были сдѣланы со стороны Пастырскихъ Собраній при ежегодныхъ Епархіальныхъ съѣздахъ духовенства, но однако за все это время всѣми чувствовалось, что всѣ возбуждаемые вопросы, за отсутствіемъ подготовленнаго матеріала, обсуждались не всесторонне — это, во первыхъ, а во вторыхъ, на Пастырскихъ Собраніяхъ участвовало далеко не все Епархіальное духовенство, а участіе его, хотя-бы въ видѣ письменныхъ докладовъ, отзывовъ, по многимъ причинамъ является весьма необходимымъ.

Теперь же организованная XL-мъ Епархіальнымъ Съездомъ Духовенства Подготовительная къ Пастырскимъ собраніямъ Комиссія обращается съ просьбой къ Духовенству Енисейской епархіи (къ священникамъ, діаконамъ и псаломщикамъ) доставлять въ въ Комиссію (черезъ Предсѣдателя ея, священника Иннокентія Орфеева, г. Красноярскъ, Всѣхсвятская ул., д. Нелидова) въ видѣ ли докладовъ, отзывовъ, или даже въ формѣ обыкновенныхъ писемъ все, что можетъ служить предметомъ обсужденія на Пастырскихъ собраніяхъ, имѣющаго быть въ семъ 1911 году Епархіального Съѣзда. Тѣ авторы докладовъ, которые пожелали бы, чтобы они были напечатаны въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, благоволятъ дѣлать на своихъ докладахъ особую о семъ помѣтку.

Эрнестъ Ренанъ и его книга „Жизнь Іисуса“.

(Критическія замѣчанія).

(Продолженіе).

Никакой мысли о дѣйствительномъ искупленіи всемірномъ и всечеловѣческомъ Ренанъ не видѣлъ въ смерти Іисуса. Его смерть была для Ренана только смертью обыкновеннаго человѣка-героя, пожертвовавшаго жизнью ради своихъ идеаловъ. Онъ умеръ потому, что „родился со слишкомъ возвышенной душой“, съ неистребимой и великою вѣрою въ Свое величіе, въ Свой „Идеаль“¹⁾, который всегда „жертвъ искупительныхъ проситъ“... Христіанская идея о примирительно-очистительной жертвѣ, которую въ лицѣ Себя Самого, какъ Агнца, принесъ Іисусъ Христосъ въ цѣляхъ нравственнаго возрожденія грѣховнаго человѣчества и примиренія его съ Богомъ, была чужда скептическому уму Ренана. Смерть Іисуса была необходима только для Него одного. Человѣчество не участвовало въ ней ни съ какой стороны. Ближайшій и единственный смыслъ этой смерти въ томъ, что она разрѣшала для Іисуса то крайне-напряженное и обострившееся положеніе, которое могло увлечь Его неизвѣстно еще на какія распутія. Смерть-же, героическая, идейная,—давала Іисусу прекрасный выходъ и, освобождая Его отъ будущихъ испытаній, съ честью и доблестью для Него разрѣшала создавшійся тяжелый конфликтъ...

По мысли Ренана, Христосъ былъ, такимъ образомъ, обыкновенный человѣкъ, отличающійся отъ другихъ только высотой нравственной жизни. „Въ немъ счастливо соединилось все, что есть лучшаго и возвышеннаго въ человѣческой природѣ“²⁾. Онъ

¹⁾ Ренанъ, стр. 138.

²⁾ Ренанъ, стр. 164.

достигъ той предѣльной и максимальной точки „человѣческаго величія, которая недостижима для обыкновенныхъ людей“. ¹⁾ Онъ принадлежитъ къ категоріи тѣхъ немногихъ, единичныхъ личностей и титановъ мысли и дѣла, кои проложили тѣ нравственные пути-дороги, по которымъ доселѣ идетъ человѣчество. ²⁾ Свѣтлыми и ослѣпительно яркими точками горять и выступаютъ эти люди среди общей безцвѣтной и „однообразно-вульгарной человѣческой жизни“, среди прочихъ „низменныхъ и эгоистичныхъ люлей, превосходящихъ животныхъ лишь обдуманностью и утонченностью своего эгоизма“. ³⁾ „Они, какъ столпы, поднимаются къ небу и свѣдѣтельствуя намъ о болѣе благородномъ назначеніи человѣка“. ⁴⁾ Этими людьми держится и стоитъ міръ. Иисусъ среди нихъ самый совершенный. Онъ „Самый высокій столпъ“. ⁵⁾ „Вершина его уходитъ въ небо“...

Но хотя онъ и лучшій, Онъ все-же есть „плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ“. Онъ „лучшій“, но лишь по сравненію съ нами, людьми зауядными и обыкновенными. Въ конечномъ смыслѣ Онъ такой-же человѣкъ, какъ и мы. Вѣры въ Иисуса Христа, какъ Богочеловѣка, какъ истиннаго Сына Божія, „шедшаго съ небесъ и воплотившагося насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія“, — этой вѣры у Ренана не было. А безъ нея всѣ тѣ восторженные рѣчи Ренана о Христѣ, образчики которыхъ были приведены въ своемъ мѣстѣ, теряютъ всякій смыслъ, всякое значеніе. Съ помощью этихъ восхваленій Ренанъ думаетъ только скрыть свое невѣріе, замаскировать свое дѣйствительное чувство. Но послѣднее часто прорывается у него и обнажаетъ того, кто думаетъ „приблизиться къ Господу только устами своими“.

Не признавая Иисуса истиннымъ Сыномъ Божиимъ, Ренанъ не считаетъ Его и свободнымъ отъ грѣха и нравственныхъ не-

¹⁾ Ренанъ, стр. 162.

^{2—3)} Тамъ же, стр. 164.

^{4—5)} Тамъ же.

достатковъ. Онъ былъ чистъ и невиненъ, но не въ безусловномъ смыслѣ, а въ относительномъ. Мы привыкли считать Христа нравственно-безукоризненнымъ существомъ, но не нужно забывать, что Онъ имѣлъ и многіе нравственные недостатки. „Они только скрыты отъ насъ“¹⁾ и намъ неизвѣстны. „Иисусъ не былъ безгрѣшнымъ, заявляетъ Ренанъ; онъ побуждалъ тѣ же страсти, противъ которыхъ боремся и мы; никакой ангелъ съ неба не подкрѣплялъ Его, кромѣ Его собственной совѣсти; никакой демонъ не искушалъ Его, не пугалъ своими призраками, не соблазнялъ заманчивыми общаніями, кромѣ того, который имѣется въ сердцѣ каждаго человѣка“²⁾).

Таковъ дѣйствительный, не подкрашенный краспорѣчіемъ, взглядъ Ренана на Иисуса, описать жизнь Котораго онъ взялся въ своей книгѣ. Это—другой Иисусъ, несовершенный, подверженный грѣху, прибѣгавшій къ хитрости³⁾ и обману⁴⁾), религіозный мистификаторъ.⁵⁾ Это — „Ренановскій Иисусъ“. Евангелія не знаютъ „такого“ Иисуса. Это изобрѣтеніе невѣрующаго сердца и скептической мысли Ренана. Дѣйствительный Иисусъ и дѣйствительный міръ Евангельскихъ идей остались навсегда загадкой для Ренана, оказались для него незнакомой страной, тѣмъ далекимъ Хаанаомъ, войти въ который ему было не суждено... Онъ не имѣлъ на это нравственного права. Нечестивая нога не должна оскорблять и порочить „мѣсто свято“...

Не ощущая въ себѣ нравственного сродства и единенія съ духомъ Иисуса, не располагая личнымъ религіозно-нравственнымъ опытомъ. Ренанъ задумалъ написать Христа по вкусу времени и наличныхъ идеаловъ своего народа. Но его время—время эпикурейскаго скепсиса, не могло доставить потребныхъ элементовъ для сильнаго и великаго, хотя бы человѣческаго, образа. Ренанъ ри-

¹⁾ Ренанъ, стр. 164,

²⁾ Тамъ же, стр. 164, 47.

³⁾ Тамъ же, стр. 67.

⁴⁾ Ренанъ, стр. 100—101.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 100.

суеть Ісуса, приноровляясь къ эпикурейскому міросозерцанію, пѣжнымъ и мягкосерднымъ моралистомъ (Галилейскій періодъ). Этотъ мягкій и нѣжный Галилеянинъ выдуманъ Ренаномъ, какъ и весь вообще Галилейскій періодъ.

„Я пришелъ не миръ на землю, а мечъ“, говоритъ Христосъ о Себѣ. „Я пришелъ обратить сердца отцовъ противъ дѣтей и дѣтей противъ отцовъ.“ Ради Меня семья должна раздѣлиться враждой.

„Мы хотѣли-бы похоронить нашихъ ближнихъ“, говорили однажды Ісусу Его ученики.—„Оставьте мертвыхъ погребать своихъ мертвецовъ“—отвѣтилъ имъ Христосъ. Всѣ эти Евангельскія мѣста стоятъ въ несогласимомъ противорѣчій съ нѣжнымъ характеромъ Ренаповскаго Ісуса. Ренанъ знаетъ это и обходитъ ихъ молчаніемъ...

Успѣшность Евангельскаго благовѣстія Ренанъ объясняетъ отчасти политической свободой Палестины¹⁾, гдѣ полиція не обращала вниманія на странствующихъ учителей,²⁾ отчасти нетребовательной и крайне воспримчивой средой,³⁾ но больше гостепріимствомъ и радушіемъ восточныхъ жителей.⁴⁾ Большую роль сыграли здѣсь также и „прекрасный характеръ Самого Ісуса и Его очаровательная паружность“⁵⁾ и та особая убѣдительность, которая звучала въ голосъ Его, придавая новизну давно извѣстнымъ изреченіямъ.⁶⁾

Такъ просто и легко объяснилъ Ренанъ чудесный фактъ распространенія христіанства,— это міровое явленіе въ человѣческой исторіи. „Отнимите восточное гостепріимство, и распространеніе христіанства невозможно будетъ объяснить.“ Ренанъ забылъ, что этимъ онъ первый подрываетъ тотъ „вѣчный, абсолютный и

¹⁾ Ренанъ, стр. 115.

²⁾ Тамъ-же стр. 26.

³⁾ Тамъ-же, стр. 62.

⁴⁾ Ренанъ, стр. 113.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 34.

⁶⁾ Тамъ-же, стр. 35.

универсальный“ характеръ христіанской религіи, который онъ самъ признаетъ за ней.¹⁾ Истина, поставленная въ узкія рамки мѣста и времени, обязанная чисто внѣшнимъ и случайнымъ причинамъ, никогда не могла сдѣлаться достояніемъ всего человѣчества на всемъ протяженіи его исторической жизни.

Говоря о первыхъ дняхъ насажденія и утвержденія Евангельской проповѣди, Ренанъ представляетъ это дѣло въ слѣдующихъ чертахъ. „Иисусъ проходилъ по Галилеѣ среди непрерывнаго веселья.“²⁾ „Вѣрная толпа Его учениковъ, веселая и праздная, всюду сопутствовала Ему...“³⁾ „Нараждающееся христіанство входило въ міръ очаровательной идилліей, прелестнѣйшею пасторалью“⁴⁾. Выражаясь такимъ образомъ, Ренанъ и не подозреваетъ, очевидно, тѣхъ страданій и мукъ рожденія новой истины, — „болѣе страшныхъ и болѣзненныхъ, чѣмъ муки дѣторожденія“ (Кантъ), среди которыхъ явилась въ міръ новая религія, долженствовавшая перевернуть все міросозерпаніе человѣчества и направить всемірную исторію по другому руслу, сообщить ей новый смыслъ и характеръ...

„Иногда являлось въ средѣ учениковъ Иисуса наивное сомнѣніе, срывался скептической вопросъ. Иисусъ одной улыбкой или однимъ взглядомъ заставлялъ умолкнуть возраженіе“.⁵⁾

Замѣчаніями въ родѣ приведеннаго Ренанъ грубо оскорбляетъ религіозныя чувства другихъ людей, не раздѣляющихъ его вѣрованій, и обнаруживаетъ поверхностный психологическій анализъ.

Могъ ли улыбаться и обратить жизнь Свою въ идиллію Тотъ, Кто все время носилъ въ душѣ своей глубокую скорбь о грѣшномъ человѣчествѣ, Чьи взоры постоянно устремлены были туда, гдѣ высилась Голгоѳа, а на ней Крестъ, на которомъ предстояло Ему распротрѣть свои „пречистыя руки.“ Евангелія зна-

1) Тамъ-же, 99, 157, 160 и др.

2) Ренанъ, стр. 80.

3) Тамъ-же, стр. 69.

4) Тамъ-же, стр. 10, 29.

5) Тамъ-же, стр. 69.

ють Ісуса печально-грустнаго, плачущаго, но имъ невѣдомъ Ісусъ смѣющийся. Это опять „Ренановскій“ Ісусъ, написанный имъ въ духѣ французской пасторали.

Послѣ сдѣланныхъ критическихъ замѣчаній на книгу Ренана вполне законнымъ будетъ поднять общій вопросъ о томъ, насколько успѣшно выполнилъ Ренанъ главную задачу своего труда. Эту задачу авторъ видѣлъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы начертать подлинно-„историческій, живой и движущійся образъ Ісуса“, вмѣсто „затемненнаго Евангельскаго“¹⁾, изгнать изъ жизни Христа всѣ наслоенія и „настройки“, необходимо приражающіяся къ личностямъ великихъ людей, и возстановить „самые тонкіе и непреложные оттѣнки истины“²⁾. Внимательный читатель Ренановой „Жизни Ісуса“ едва-ли хоть на минуту поколеблется въ своемъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ. Вмѣсто обѣщаннаго подлинно историческаго образа Ісуса Ренанъ далъ въ своей книгѣ лишь мастерски нарисованную карикатуру, исказилъ Богочеловѣчскій образъ Искупителя грубо-плотными чертами, кощунственно превратилъ Богочеловѣка въ челоѣка. Только это искаженіе и превращеніе затушеваны Ренаномъ такими поэтическими подробностями и красками въ видѣ второстепенной географической, исторической и религіозно-нравственной обстановки, что зритель не сразу замѣчаетъ предательскій обманъ и святотатственное поруганіе Святости и припимаетъ условный предательскій поцѣлуй новаго Искаріота за искреннее привѣтствіе восторженнаго ученика.

Подъ главнымъ лицомъ Ренановой картины можно съ удобствомъ подписать имя любого еврейскаго раввина, только пельзя начертать тутъ святое имя Богочеловѣка. Въ Ренановой картинѣ только одна земля, плоть, лишенная животворящаго духа. Въ ней нѣтъ жизни, истины, высшаго смысла. Въ ней отсутствуетъ идея, возвышающая трудъ истаго художника изъ низменныхъ областей земли въ горнія страны божественныхъ идеаловъ. Въ странной

¹⁾ Ренанъ, стр. 7.

²⁾ Тамъ же. 6, стр.

и каррикатурной позѣ выступаетъ изъ роскошной рамы земной и плотяно-человѣческой обстановки Ренановскій Іисусъ. И зритель не видитъ въ этой сочиненной каррикатурѣ небеснаго образа Искупителя всего человѣчества, Основателя всемірной и вѣчной религiи. Тѣ черты, какими надѣлилъ авторъ своего Іисуса, ерисованы имъ съ обыкновеннаго смертнаго человѣка: онѣ—принадлежность человѣческой дебелости и нашей тварно-грѣховной природы. Такъ, Ренанъ утверждаетъ, что Іисусъ допускалъ „невиный обманъ“ во славу Божію, примѣнялся къ народнымъ суевѣріямъ, уступалъ идеямъ своего времени, потакалъ лживымъ слухамъ о Себѣ, какъ о чудотворцѣ, Мессіи, сынѣ Давидовомъ, привлекалъ Себѣ новыхъ послѣдователей путемъ таинственныхъ намековъ на тайны собесѣдника, позволялъ думать окружающимъ, что имѣетъ сношеніе съ небожителями. Эти и подобныя мѣста служатъ типичными примѣрами той нравственной неоприятности Ренана, съ которой онъ дерзнулъ коснуться неприкосновеннаго Святого-Святыхъ каждой христіанской совѣсти. Въ лицѣ своего Іисуса, проповѣдывавшаго міру высокіе идеалы братства, любви и блаженства и повстрѣчавшаго на пути ихъ осуществленія несокрушимыя препятствія въ лицѣ косной и забитой толпы іудейскаго простонародья во главѣ съ ея фанатиками-фарисеями и нигилистами-священниками,—Ренанъ вывелъ обыкновеннаго героя, начерталъ общеизвѣстную трагедію, случающуюся со всѣми великими людьми, падающими роковыми жертвами столь же роковыхъ идеаловъ. Правда, эта трагедія представлена Ренаномъ съ удивительной живостью и наглядностью, доходящей почти до полной иллюзіи. Но эта иллюзорность внѣшней обстановки, сообщающей картинѣ движеніе и жизнь, только сильнѣе и рѣзче отбѣняетъ неестественность и каррикатурность главнаго дѣйствующаго Лица. Предъ нами стоитъ сочиненный художникомъ герой, обыкновенный поборникъ идеала, преданный ему до самозабвенія и саможертвы. Мы созерцаемъ мѣстнаго Палестинскаго реформатора, выросшаго на туземной почвѣ, вскормленнаго національной обстановкой, дышащаго іудейской атмосфе-

рой. Но мы не увидимъ въ этой картинѣ и въ этомъ освѣщеніи Христа-Богочеловѣка, подъявшаго на Себя крестную смерть ради всечеловѣческаго искупленія, дѣйствительно, а не въ мечтахъ только, водрузившаго на землѣ Свою Церковь, Свое царство Божіе. При взглядѣ на Ренановскаго Іисуса, — сладкорѣчиваго проповѣдника самой заурядной евдемонической морали, превратившагося потомъ въ мрачнаго фанатика и павшаго жертвой фанатизма консервативной іудейской партіи—много непонятныхъ мыслей и вопросовъ рождается въ нашей душѣ. Мы удивляемся и недоумѣваемъ, какимъ это образомъ эта столь заурядная исторія, съ неменѣе заурядною личностью, разыгравшаяся въ какомъ-то заброшенномъ уголкѣ міра, могла стать исторіею всемірною, превратиться въ религію общечеловѣческую, наводнить вселенную потокомъ новыхъ идеаловъ и новыхъ основъ умственной и нравственной жизни, пересоздать строй семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ отношеній? Мы въ недоумѣніи спрашиваемъ самихъ себя, откуда явилась та неземная и таинственная нравственная сила, зародившаяся на горѣ Назаретской, созрѣвшая на маленькомъ Геннисаретскомъ озерѣ, въ кругу простыхъ поселянъ-рыбарей, и какъ, какими средствами, могла эта сила превозмочь всѣхъ мудрецовъ и сильныхъ міра, побѣдить всѣ препятствія, завоевать всѣ народы земли? Почему это только Іисусъ Назарянинъ, а не Іуда Галилеянинъ, не Филонъ, не Сократъ и никто либо другой, а Христосъ, сынъ Маріи—Дѣвы, сталъ искупителемъ міра и источникомъ новой блаженной жизни для всего человѣчества?

Вопросы стоятъ и ждуть себѣ разрѣшенія, а Ренанъ молчитъ и не можетъ дать на нихъ никакого отвѣта...

Да этихъ отвѣтовъ у него и не можетъ быть. При характерѣ и качествахъ тѣхъ средствъ, съ запасомъ которыхъ принялся Ренанъ рисовать своею кистью пресвѣтлый образъ Іисуса Спасителя, онъ и не въ состояніи былъ дать что-либо другое, кромѣ уродливой каррикатуры. Ренанъ—скептикъ, невѣръ, поборникъ критической школы. Въ немъ не было того религіознаго чувства

и того благоговѣйнаго отношенія ко Христу, при наличности которыхъ художникъ только и можетъ почитать себя въ правѣ братья за изображеніе Лика Христова съ надеждой на извѣстный успѣхъ. Изображать личность Основателя всемірной религіи, не имѣя въ себѣ нравственно-религіознаго генія, значить заранѣе обрекать себя на роль каррикатуриста. Сдѣлать это такъ же невозможно, какъ невозможно судить о Шекспирѣ, Рафаэлѣ и Моцартѣ, не обладая поэтическимъ, художественнымъ и музыкальнымъ геніемъ. Для вѣрнаго пониманія и художественно-правдиваго воспроизведенія религіозно-нравственныхъ явленій необходимъ и соотвѣтствующій религіозный геній. И чѣмъ величественнѣе и существеннѣе изслѣдуемое и воспроизводимое художникомъ религіозное явленіе, тѣмъ болѣе сильный и чуткій требуется геній. Безъ этого генія необходимо должна получиться карриатура, подобная той, въ какой изобразилъ бы Наполеона его камердинеръ. Ренанъ, самодовольный сочинитель „Жизни Иисуса“, также не понималъ и не ощущалъ въ себѣ религіозной вѣры, главнаго условія успешности предпринимаемой имъ работы. Онъ не развилъ въ себѣ то внутреннее чувство религіознаго зрѣнія, коимъ однимъ только можно прозрѣть въ непобѣдимую богочеловѣческую силу Иисуса, Спасителя и Искушителя людей. Ренанъ могъ создать только художественную обстановку для Лика Христа и онъ сдѣлалъ это съ рѣдкимъ талантомъ. Но для другой, болѣе отвѣтственной работы, у него не было ни силъ, ни генія, ни таланта. Презрѣвши это обстоятельство, Ренанъ попытался выполнить и вторую, трудную и сложную, часть своей работы. Но, благодаря отсутствію необходимаго тутъ религіознаго генія, потерпѣлъ поражение и не смогъ начертать Самого Христа, какъ Богочеловѣка и Искушителя міра. Онъ нарисовалъ и могъ нарисовать только карриатуру въ видѣ мѣстно-палестинскаго моралиста и реформатора.

Уже давно замѣчено, что Ренова „Жизнь Иисуса“, лишенная историческаго характера, отражаетъ въ себѣ вліяніе новѣйшихъ романовъ и относится къ разряду произведеній чисто

беллетристическихъ. Искусственные и выдуманные эффекты, на-мѣренно-сочиненные контрасты рѣзко и замѣтно выступаютъ какъ въ общемъ настроеніи Ренановой книги, такъ и въ частныхъ ея пунктахъ. Предъ читателемъ проходитъ прежде всего заброшен-ный въ горахъ, но прелестный уголокъ Палестины—Назаретъ, вообще поэтическая и жизнерадостная Галилея. Въ живой контрастъ ей Ренанъ чертитъ угрюмую и бесплодную Іудею, непривѣтливую столицу послѣдней Іерусалимъ и ту крайне-тяжелую общую атмо-сферу аристократической и гордой Іудеи, которая такъ рѣзко чувствуется по сравненію съ простотою и наивною деревенской Галилеи.

Это съ одной стороны.

Самые обитатели той и другой страны—прямая противо-положности по своему міросозерцанію, нравамъ и характеру. Га-лилеяне—рыбаки и земледѣльцы—довѣрчивы, кротки, радостно и блаженно-настроенные. Іудеяне—вожди націи и профессиональные хранители закона—черствы, эгоистичны, склонны къ ханжеству зависти и схоластикѣ.

Это съ другой стороны.

Самъ Іисусъ двоятся въ представленіи Ренана и въ Галилеѣ поражаетъ своей нѣжностью и мягкостью, которая съ переходомъ въ Іерусалимъ перерождается въ фанатизмъ и раздражительность. Противъ идилліи въ началѣ исторіи — ставится трагедія въ концѣ. Веселая свадьба въ Канѣ Галилейской смѣняется кровавымъ кре-стомъ на Голгоѣѣ.

Это съ третьей стороны.

Болѣе внимательное разсмотрѣніе Ренановой книги оконча-тельно приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что на добрую половину она представляетъ изъ себя не что иное, какъ историческій романъ. Пока Ренанъ вращается въ области виѣхристіанской и виѣвангельской—онъ истый историкъ-художникъ. Вся истори-ческая обстановка, въ которой совершались Евангельскія событія, весь ландшафтъ исторической картины, нарисованы Ренаномъ, какъ

мы уже говорили въ свое время, съ великимъ талантомъ и художественною правдою. Но лишь только Ренанъ ступаетъ на священную почву Евангелія, входитъ въ его Святое-Святыхъ, касается его Души, — Самого Иисуса, — художникъ-историкъ оказывается въ чужой землѣ, превращается въ романиста и притомъ посредственнаго. Историческая почва, художественный тактъ и поэтическое чутье покидаютъ Ренана, и его перо незамѣтно, но фатально, сбивается на мелкій французскій фельетонъ. Отнеси книгу Ренана къ числу посредственныхъ историческихъ романовъ, необходимо указать для этого соотвѣтствующія основанія.

Историческіе памятники и документы, дошедшіе до насъ изъ далекаго историческаго прошлаго, даютъ намъ, людямъ новаго времени, очень туманное представленіе о томъ, что случилось когда-то въ старину.

Немного лицъ намъ память сохраняетъ,

Немного словъ доносится до насъ...

А прочее рушится и погибаетъ въ алчной пучинѣ времени и забвенія. Мы, выросшіе въ иныхъ совершенно условіяхъ и въ другой обстановкѣ, имѣющіе свои особые идеалы и свои излюбленные вкусы и понятія, не понимаемъ и не постигаемъ того міросозерцанія и тѣхъ идеаловъ, коими жили и руководствовались люди далекаго прошлаго. А отрывочные и неполные историческіе документы, понятные для современниковъ и ближайшихъ поколѣній, являются часто для насъ зашифрованнымъ письмомъ. Творческая фантазія художника-романиста приходитъ намъ здѣсь на помощь и силою своего генія облачаетъ прошедшее въ живые и яркіе образы. То минувшее, которое проходило нѣкогда предъ взорами современниковъ, „событій полно, волнуясь, какъ море-океанъ“, и которое лишь намъ, удаленнымъ отъ этихъ дней на большое разстояніе, представляется „безмолвнымъ и спокойнымъ“, въ художественномъ возсозданіи романиста оживаетъ вновь и проходитъ предъ взорами читателя исполненное жизни, выразительности и движенія. Художникъ-романистъ, болѣе чуткій къ постиженію и

воспріятію человѣческой души и ея внутреннихъ процессовъ, является для массы въ своихъ романахъ истолкователемъ историческихъ лицъ, событій и цѣлыхъ эпохъ. Творящею силою своей фантазіи писатель пополняетъ отрывочные и короткіе историческіе документы, влагаетъ въ имѣющіеся въ нихъ пробѣлы и пустыя мѣста подсказанныя ему художественнымъ инстинктомъ мысли и образы и на основаніи немногихъ, сохранившихся отъ далекаго прошлаго, историческихъ чертъ и звеньевъ возстановляетъ всю прошлую картину, всю длинную цѣпь историческихъ событій. По справедливому признанію Я. Полонскаго, писатель-художникъ творить здѣсь свои образы „почти изъ ничего“... Но въ своей творчески-созидательной работѣ романистъ долженъ твердо стоять на почвѣ историческихъ документовъ и согласовать свою мозаическую работу съ требованіями исторической правды.

Почерпая матеріалы для своей работы изъ нѣдръ своего личнаго опыта, изъ своего соображенія и изъ данной дѣйствительности, художникъ-романистъ долженъ силою своего художественнаго генія привести этотъ матеріалъ во внутреннюю и полную гармонію съ законами исторической дѣйствительности.

Примѣняя сказанное вообще о характерѣ и отличительныхъ особенностяхъ историческаго романа къ Ренаповой „Жизни Іисуса“ въ частности, мы увидимъ, что его произведеніе далеко не отвѣчаетъ требованіямъ художественнаго историческаго романа. Правда, фантазіи здѣсь много, но она вызывается здѣсь не наличностью пробѣловъ и пустыхъ мѣстъ въ историческихъ памятникахъ, восполнить которые ей требуется,—она дѣйствуетъ на широкомъ и свѣтломъ полѣ законченныхъ, опредѣленныхъ и полныхъ Евангельскихъ источниковъ. Ренапъ игнорируетъ эти опредѣленно-ясные источники, грубо противорѣчитъ имъ, замѣняетъ ихъ своими, и въ результатъ получается не освѣщеніе „Жизни Іисуса“ яркимъ свѣтомъ перечувствованныхъ и пережитыхъ авторомъ историческихъ документовъ а совершенно новая „Жизнь“, новая исторія. Это произошло съ Ренапомъ прежде всего оттого, что

основное и элементарное требованіе, предъявляемое ко всякому историческому роману—согласіе съ законами исторической правды—было имъ позабыто и нарушено. Но тутъ имѣла мѣсто еще и другая, болѣе глубокая причина.

У Ренана былъ взятъ не просто историческій сюжетъ, а сюжетъ религіозный. При выполненіи же сюжетовъ на религіозныя темы большое значеніе имѣеть религіозно-правственный характеръ самого художника. Извѣстно, что фантазія свободно и легко дѣйствуетъ только въ родственной ей сферѣ образовъ и представленій, въ области близкихъ и родныхъ ей понятій и идей. И Ренанъ, выбравшій себѣ для художественной обработки свѣтлый и чистый міръ Евангельскихъ лицъ и идей, высочайшій образъ Іисусовъ, долженъ былъ, по своему правственному характеру, стать въ уровень съ этимъ Евангельскимъ міромъ, воспитать въ себѣ духовное сродство съ нимъ, приблизить себя къ нему на возможное для человѣка разстояніе. Но это требованіе, вполнѣ выполнимое для души высоко-настроенной въ религіозно-правственномъ отношеніи, привыкшей жить и витать своими помыслами въ горнемъ мірѣ святыхъ идеаловъ,—оказалось совершенно невыполнимымъ для Ренана. Въ душѣ скептика и невѣра не было мѣста религіозному воодушевленію и благоговѣйному отношенію къ Распятому и Воскресшему,—и его фантазія, безсильная подняться до высоты изображаемаго Образа, въ безсиліи свернула свои крылья и, какъ подшибленная птица, въ изнеможеніи приникла къ землѣ...

Хр. Соболевъ.

Къ вопросу объ участіи духовенства въ кооперативныхъ учрежденіяхъ.

(Продолженіе).

II.

Вопросъ о кооперативныхъ учрежденіяхъ не новый. Организация кооперативныхъ товариществъ, правда, прогрессивно развивается, однако духовенству не слѣдуетъ вставать къ нимъ слишкомъ въ близкія отношенія, въ виду неустойчивости этихъ учрежденій и сомнительной пользы отъ нихъ для народа. У духовенства имѣется свой неподдѣльный ключъ къ народному счастью. Въ общей суматохѣ пастыри забыли о немъ, хотя онъ тутъ-же—близко лежитъ—въ сознаніи истиннаго пастырскаго служенія.

Я не отрицаю совершенно прекрасной идеи кооперативныхъ учрежденій, но они для русскаго некультурнаго народа пока преждевременны. Пусть пастыри сначала потрутся надъ воздѣлываніемъ почвы, чтобы можно было ввѣрить ей то доброе сѣмя, которое, если не погибнетъ совсѣмъ отъ сорныхъ травъ—народнаго невѣжества,—можетъ взойти чахлымъ и уродливымъ...

Чтобы не слишкомъ довѣряться жизнеспособности и рекламной пользѣ кооперативныхъ учрежденій, существующихъ при современныхъ условіяхъ русской народной жизни, необходимо ближе познакомиться съ ними не по отзывамъ печати, иногда не вѣрующимъ, а по тому положенію, которое они занимаютъ въ народѣ, тогда будетъ легко убѣдиться, возможно-ли пастырямъ, безъ ущерба своему пастырскому дѣлу, служить проводниками ихъ въ народныя массы и насколько полезны они для народа.

У насъ здѣсь на свѣжей памяти печальный опытъ одного изъ лучшихъ и дѣятельныхъ пастырей нашего благочинія. По его инициативѣ открыта въ селѣ № торговля общества потребителей. Сколько зла и горькой скорби принесло ему это новое дѣло,—одному Богу извѣстно. Ненависть мѣстныхъ торговцевъ, по карману которыхъ ударила потребительская лавка, интриги сельскаго

писаря (интеллигента), затѣмъ нестроеніе въ общемъ ходѣ торговыхъ операцій, а пользы для народа и самого инициатора—никакой. Благосостояніе прихожанъ, отношеніе ихъ къ пастырю отъ этой затѣи нисколько не улучшились.—Дайте это-же дѣло въ руки человѣка несвѣдущаго и нетактичнаго,—безъ суда не развязаться бы ему съ нимъ.

Едва-ли лучше поидетъ дѣло у пастыря и съ кредитнымъ товариществомъ. По идеѣ, пастырь долженъ стараться дѣлать добро всѣмъ, а наипаче своимъ по вѣрѣ (Гал. 6. 10), между тѣмъ въ выдачѣ денежныхъ ссудъ онъ долженъ строго ограничить свои дѣйствія опредѣленными правилами устава кредитнаго товарищества.

Если кредитное товарищество (какъ сказалъ о. В. Кузьминъ) есть даръ Христіанской любви, то дѣйствія ихъ должны распространяться не на извѣстную группу, а на всѣхъ прихожанъ—всѣхъ любить, всѣмъ вѣрить (1 Кар. 13 ч.), благотворить и взаимъ давать неблагодарнымъ и злымъ (Лук. 6, 35), иначе любовь Божія будетъ несовершенна въ насъ (1 Іоан. 4. 12). Такимъ образомъ, на кооперативныя товарищества будутъ смотрѣть не какъ на даръ христіанской любви, а какъ на даръ несовершенной любви. Пастырь-же въ основу своихъ дѣйствій долженъ полагать всегда чистое христіанское ученіе, иначе онъ станетъ на шаткую почву. Въ каждомъ приходѣ всегда найдутся такіе люди, которые будутъ претендовать на равное участіе со стороны пастыря ко всѣмъ нуждающимся. И они будутъ правы. Въ результатъ—масса недоразумѣній, неудовольствій, зависти и огорченій. И виновникомъ такого нестроенія въ приходѣ, конечно, будетъ пастырь.

Затѣмъ сдѣлаемъ такое предположеніе, близкое къ переживаемому нами времени. Кредитное товарищество у меня открыто въ 19⁰⁹/₁₀ хозяйственномъ году. Деньги для ссудной операціи позаимствованы въ Государственномъ банкѣ изъ 6⁰/₁₀ годовыхъ. И только что правленіе товарищества открыло свои операціи, какъ налетѣли дебиторы и растащили деньги, хотя большой нужды въ народѣ и не было. У крестьянъ ужъ такая манера—брать деньги

тамъ, гдѣ ихъ даютъ, будь это правительственная или частная ссуда. За нуждой-же у нихъ дѣло не станеть,—у мужика ея всегда довольно. О будущемъ мужикъ не особенно-то заботится.

Но вотъ неожиданно-негаданно панесенъ ударъ всему крестьянскому благосостоянію. Прошлое лѣто у насъ не родилось ни хлѣба, ни травы. Стояла продолжительная засуха, и все погорѣло, а что еще жило, благодаря обильному запасу почвенной влаги,—съѣла кобылка. 19¹⁰/₁₁ хоз. годъ застаеъ крестьянъ въ самомъ разстроенномъ состояніи: хлѣба нѣтъ, лишняя скотина продана. Между тѣмъ подошелъ срокъ расчитываться имъ съ кредитнымъ товариществомъ. При расчетѣ правленіе кр. т-ва обходится съ своими дебиторами очень немилостиво. „Не можемъ продать дома“, говоритъ одинъ изъ дѣятелей этого рода учрежденій, „продадимъ крышу съ дома, а свое возьмемъ“. Слѣдовательно, и мыѣ пришлось бы возвращать свой кредитъ путемъ аукціонной продажи негодной крестьянской рухляди или самого необходимаго скота, чтобы не допустить до полного краха кредитное товарищество. Дѣлать-же отерочку, это значить закабалить дебиторовъ наращиваніемъ ссуды процентами. Вотъ въ какое затруднительное положеніе можетъ поставить священника кредитное товарищество! Допустить аукціонную продажу за долги крестьянскаго имущества въ то время, когда правительство и общество стараются поддержать крестьянское хозяйство отъ полного упадка,—вѣдь это что-то ужасное! Это только наше предположеніе, но не менѣе мрачными красками рисуется и самая жизнь кредитныхъ товариществъ. Не такъ давно мыѣ пришлось слышать отзывъ о кредитныхъ товариществахъ одного изъ интеллигентныхъ переселенцевъ, г. N, попавшаго въ Сибирь изъ Саратовской губерніи. „У насъ въ Россіи“ говорилъ мыѣ этотъ словоохотливый господинъ, „кредитныя товарищества слывутъ подъ кличку „кабалы“. Крестьяне отъ этой кабалы разоряются,—въ барышахъ-же остаются только члены правленія товарищества. Имъ идетъ небольшое жалованье, которое они получаютъ всегда исправно“. Далѣе г. N положеніе кредитныхъ товариществъ пояснилъ зна-

комыми ему примѣрами. Одинъ знакомый ему крестьянинъ, заручившись необходимыми документами, обратился въ правленіе кредит. т-ва съ просьбою о выдачѣ ссуды на обѣмненіе полей. Нужда, какъ видите, существенная. Правленіе охотно удовлетворяетъ про- сителя. Дѣло это было передъ Пасхой. Мужику, какъ потомъ оказалось, деньги понадобились не на сѣмена, а на домашніе рас- ходы. Такимъ образомъ, получивъ ссуду, онъ потратилъ ее на экипированіе семьи и на другіе расходы по хозяйству. Нако- нецъ, пришло время сѣять, а сѣмянъ нѣтъ. Пошелъ бѣдняга къ богатому мужику и взялъ у него денегъ подъ лѣтнюю работу, — купилъ сѣмянъ и засѣялъ ими свое поле. Но вотъ наступила и зима, а съ ней и срокъ взятой въ кредитномъ товариществѣ ссуды.

Тутъ-то и сказался весь трагизмъ положенія кредитныхъ то- вариществъ. Денегъ у бѣднаго мужика, какъ водится, никогда не бываетъ. Нужно искать новый источникъ кредита, а его нѣтъ. Приходится мотать самые необходимые предметы крестьянскаго обихода. Тутъ крестьянинъ ужъ отлично понялъ, что кредитное товарищество для него ни больше, ни меньше, какъ ловушка, за- игрывающая на его мужицкой слабости... Дѣваться некуда... Тяже- ло, а расчитаться нужно. — Не отдать добровольно, возьмутъ силою на законномъ основаніи...

И это-ли заслуга кооперативныхъ учрежденій? Мало еще у насъ причинъ, служащихъ поводомъ къ неудовольствію со стороны прихожанъ по отношенію къ намъ, пастырямъ, такъ давайте соз- давать новыя, на чуждой намъ почвѣ кооператизма.

А вотъ еще картина, безотрадиѣ первой, изъ жизни коопе- ративныхъ учреждений, нарисованная г. Н. Крестьянинъ получилъ изъ кассы кредитнаго товарищества ссуду и заболѣлъ. Болѣзнь приковала его къ постели на нѣсколько мѣсяцевъ. Между тѣмъ подошелъ срокъ ссуды. Нужно возвратить позайствованныя у товарищества деньги. Если не было денегъ у здорового мужика, то гдѣ ихъ взять больному? — Случилось такъ, что въ это-же время волостной старшина собиралъ по селу подать. Заходитъ онъ на

дворъ и этого бѣдняги.—Измощенный болѣзнію, чахлый и едва живой, вышелъ изъ своей хаты на встрѣчу къ непрошенному гостю горемычный хозяинъ. Умоляетъ объ отсрочкѣ подати,—слезы душиать бѣднягу, и онъ говоритъ еле слышно. Дѣтишки выбѣжали на дворъ и тутъ же вертятся подъ ногами больного отца. Дѣтское сердце еще не знаетъ тяжелой крестьянской доли. Они счастливы... но скорбь отца съ появленіемъ дѣтей усиливается, и онъ, какъ снопъ, валится къ ногамъ волостного Начальника. Старшинѣ и глубоко жаль несчастнаго, но онъ ничего не можетъ сдѣлать въ его пользу, ибо только что получилъ строгій циркуляръ по сбору податей.—За подать описали у мужика послѣднихъ овецъ и разную крестьянскую рухлядь. Назначаются торги для продажи описаннаго за подать крестьянскаго имущества. По закону предсѣдатель правленія кредитнаго товарищества долженъ находиться при торгахъ. Его претензія къ „обанкротившемуся“ дебитору должна удовлетвориться первой, и только остальные деньги, вырученныя отъ продажи имущества, поступаютъ въ уплату за подать.

Представьте въ данномъ случаѣ положеніе священника, какъ предсѣдателя кредитнаго товарищества. Будетъ ли спокойна его пастырская совѣсть при видѣ подобныхъ трагическихъ сценъ? Комментаріи, кажется, излишни.

„И если взаимъ даете тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить обратно (даже безъ процентовъ), какая вамъ за то благодарность? Но вы займы давайте, не ожидая ничего; и будетъ вамъ награда великая и будете сынами Всевышняго“ (Луки 6. 34 и 35).

Священникъ *Іоаннъ Парышевъ*.

С. Никольское.

Хроника епархіальной жизни.

— По примѣру прежнихъ лѣтъ, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Евѣмій, Епископъ Енисейскій и Красноярскій, въ 12 ч. ночи подь Новый годъ совершилъ съ градскимъ духовенствомъ молебенъ въ кафедральномъ соборѣ. Обширный соборъ былъ полонъ молящихся. Очевидно, обычай, заведенный Владыкою, — встрѣчать Новый годъ съ церковною молитвою — пришелся по сердцу многимъ вѣрующимъ.

— Въ настоящее время должность окружнаго миссіонера по уѣздамъ Красноярскому и Ачинскому — вакантна, жалованья 1200 р.

— Прибылъ изъ Калужской епархіи ново-назначенный наблюдатель ц.-прих. школъ Енис. епархіи, свящ. о. Смирновъ.

— 9 января въ канцеляріи д. училища происходило (первое) засѣданіе предсѣздовой пастырской комиссіи. Намѣченъ рядъ вопросовъ церковно-пастырскаго характера, которые полезно было бы подвергнуть предварительному обсужденію въ Епарх. Вѣд., а затѣмъ и на пастырскихъ сѣздовыхъ собраніяхъ. — Подробныя свѣдѣнія объ этомъ засѣданіи комиссіи будутъ сообщены на страницахъ Епарх. Вѣдомостей.

Обзоръ печати.

Въ журналѣ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, издаваемомъ при Московской д. Академіи, печатается автобіографія Преосвященнаго Никодима, перваго Епископа Енисейскаго и Красноярскаго.

Викаріатство въ Омской епархіи. Омскимъ епарх. начальствомъ возбуждено ходатайство объ открытіи викаріатства въ г. Семипалатинскѣ, съ учрежденіемъ при викарномъ епископѣ дух.

правленія, въ виду дальности разстоянія Семипалатинска отъ Омска (750 верстъ).

Церковный Вѣстникъ въ статьѣ „На порогѣ новаго года“ пишетъ: „Обозрѣвая умственнымъ взоромъ ходъ церковной жизни прошлаго года, нельзя не замѣтить, что въ сущности мы очень мало подвинулись впередъ. Правда, въ административныхъ разныхъ начинаніяхъ и мѣропріятіяхъ, пожалуй, нѣтъ недостатка. Кажется, съ этой стороны что нибудь, да сдѣлано въ каждой области церковной жизни. Въ теченіе цѣлаго года дѣятельно разрабатывался проектъ духовно-учебной реформы. Дважды собирались на съѣзды миссіонерскіе дѣятели и составили десятки постановленій съ проектами улучшенія миссіонерскаго дѣла. Выработано нѣсколько частичныхъ законопроектвъ по преобразованію епархіальнаго управленія. Поставленъ на очередь большой вопросъ объ обезпеченіи православнаго духовенства. Къ концу года начало показывать признаки жизни заглохшее было дѣло о реформѣ прихода. Но все это только проекты и проекты; а жизнь течетъ по старому руслу, нисколько не чувствуя на себѣ вліянія отвлеченнаго реформаторскаго творчества. И, что хуже всего—есть основаніе опасаться, что, даже если проекты перейдутъ въ область юридическихъ нормъ, то все-таки они только скользнутъ по поверхности жизни, не проникая въ ея толщу и не преобразуя ея дѣйствительнымъ жизненнымъ обновленіемъ. Мы имѣемъ уже въ данномъ отношеніи нѣкоторые опыты, которые подтверждаютъ высказанное опасеніе.

Чѣмъ же объяснить эту косность нашей дѣйствительности, это ея пассивное равнодушіе ко всѣмъ реформаторскимъ попыткамъ? Намъ кажется, что причина этой косности скрывается въ дезорганизованности нашего церковнаго общества, въ отсутствіи сплачивающей идеи, которая всѣхъ объединяла бы въ единое цѣлое. Всѣ церковно-общественные элементы живутъ каждый своею особою жизнью, другъ друга мало знаютъ, а иногда и знать не хотятъ.

Упадокъ духовной журналистики. Мы переживаемъ моментъ упадка духа въ обществѣ, апатіи и уныніи—вотъ та жалоба, которая неизмѣнно раздается послѣдніе годы и которыми теперь обычно начинаютъ и заканчиваютъ обзоры разныхъ проявленій русской общественной жизни. Быть можетъ этотъ пессимизмъ и не всегда справедливъ. Но въ приложеніи къ духовной журналистикѣ онъ справедливѣе, чѣмъ во многихъ другихъ случаяхъ.

Такъ называемые „толстые“ духовные журналы (ежемѣсячники) когда то располагали солидными публицистическими силами. Просматривая за старые, особенно 70-е годы, эту журнальную литературу, мы можемъ видѣть, что тогда помѣсячная пресса живо отзывалась на текущіе вопросы церковно-общественной жизни и считала своею обязанностью слѣдить за современностью и давать ей освѣщеніе съ исторической и практической точки зрѣнія. Потомъ этотъ интересъ къ текущей минутѣ какъ-то сталъ ослабѣвать, и почти всѣ духовные журналы указаннаго типа замкнулись въ сферѣ вопросовъ болѣе отвлеченныхъ и научно-теоретическихъ. Въ такомъ видѣ духовная журналистика не возбуждаетъ большого интереса даже въ духовномъ обществѣ и не приноситъ той пользы, какую могла бы принести. Текущіе вопросы церковной жизни почти всегда требуютъ къ себѣ серьезнаго и внимательнаго отношенія. Особенно надо это сказать о тѣхъ важныхъ проблемахъ, какія стоятъ на очереди въ настоящее время. Для правильнаго рѣшенія ихъ необходимо не только обсужденіе съ точки зрѣнія практической, но и научно-исторической, каковому обсужденію не можетъ достаточно посвящать мѣста еженедѣльная или ежедневная печать. Вотъ тутъ ежемѣсячники могли бы оказать незамѣнимую услугу церковному дѣлу, поставивъ себѣ задачей всесторонне и основательно освѣщать вопросы даннаго момента. Тогда, разумѣется, возросъ бы и интересъ къ духовнымъ журналамъ въ обществѣ, сильно упавшій въ послѣдніе годы. Это паденіе столь значительно, что нѣкоторые духовные журналы теперь, вслѣдствіе сокращенія подписки, должны рѣшать вопросъ: быть имъ или не быть.

Высокопреосвященнѣйшій Антоній, архіеп. Волынскій, въ своихъ новогоднихъ пожеланіяхъ пастырямъ церковнымъ, между прочимъ, пишетъ въ Волынскихъ Еп. Вѣдомостяхъ:

„Если вы спросите себя, въ чемъ разница между настроеніемъ и бытомъ общественнымъ теперь, сравнительно съ тѣмъ, что было 10 лѣтъ тому назадъ, до революціи, то здѣсь обнаружится перемѣна разительная и горестная.

Десять, двадцать лѣтъ тому назадъ обыватели не знали, что такое оружіе; по деревнямъ даже помѣщики не запирали на ночь домовъ; глухою ночью безъ всякихъ предосторожностей ѣхали крестьяне, священники и помѣщики за 20 верстъ на станцію; церкви стояли почти безъ всякой охраны съ полными сундуками денегъ, не смотря на консисторское требованіе сдавать ихъ въ казну; деревня жила патріархальною жизнью: появленіе незаконнорожденнаго ребенка возбуждало всеобщее негодованіе; не бывало у насъ въ Малороссіи случаевъ уклоненія прихожанина отъ исповѣди; священники не слышали отъ нихъ грубаго слова, а родители привыкли къ полному послушанію дѣтей. А теперь? Теперь, вмѣсто стада Божія, пастырь часто видитъ себя среди шайки наглецовъ, пьяницъ, кощунниковъ, разбойниковъ.

Но главное обнаруженіе того глубокаго нравственнаго паденія, въ которое повергла насъ революція и связанный съ нею западническій духъ, заключается въ томъ, что русскіе люди лишились своего главнаго духовнаго украшенія, отличавшаго ихъ отъ западныхъ народовъ, правды, *правдивости*.

Теперь правдивость перестаетъ быть нашимъ достояніемъ. Это всего ужаснѣе для служителей Евангелія. Можно бороться съ заблужденіемъ, можно бороться съ застарѣлыми пороками, личными и общественными: но насколько трудною, почти бесплодною, становится борьба, когда люди не только истины не знаютъ, но и знать не хотятъ, — когда съ порокомъ бороться бывають не только сами безсильны, но и порокомъ его не признають! А такое именно

настроение овладѣло современнымъ обществомъ и, увы, начинаетъ овладѣвать народомъ.

Пороки, преступленіе, маловѣріе, предубѣжденіе,—все это бывало у насъ на Руси и до революціи, но, все таки, всѣ люди цѣнили истину, если уразумѣвали ее, а теперь ее не цѣнятъ ни во что. Вотъ это горько, вотъ это больно! Прежде о всякой новой мысли, о всякомъ слышанномъ словѣ чловѣкъ спрашивалъ себя: вѣрно это или нѣтъ? Теперь мало кто объ этомъ спрашиваетъ, а смотритъ лишь на то: выгодно-ли ему говорить такъ или иначе? можетъ ли онъ что либо выиграть или напротивъ влетѣтъ на непріятность, если будетъ повторять или даже слушать, или читать то или это?—Люди стали продажны, стали въ душѣ рабами и притомъ не только предъ своими начальниками, но предъ всѣми, какъ Грибоѣдовскій Молчалинъ, и, гоняясь за свободой личности, потеряли и свободу, и даже самую свою личность, замѣнивъ всѣ ея многообразные интересы и разнообразныя духовныя и нравственныя потребности только однимъ интересомъ успѣха или выгоды.

Теперь вполне приличными членами общества, школьнаго товарищества, товарищества служебнаго считаются такіе типы, отъ которыхъ десять лѣтъ тому назадъ съ отвращеніемъ отвертывались бы всѣ ближніе, какъ отъ предателей, обманщиковъ, отступниковъ, безчестныхъ льстецовъ, продающихъ то свое тѣло, то свою душу. Если бы встали изъ гробовъ, не скажу отцы и дѣды наши, но даже наши старшіе братья, умершіе десять лѣтъ тому назадъ, то они не узнали бы теперь своихъ друзей и родственниковъ въ ихъ постыдной нравственной расхатанности и почти полной безрелигіозности, а узнавши, содрогнулись бы отъ ужаса и негодованія, и поспѣшили бы скорѣе къ своимъ кладбищамъ и гробамъ.

Намъ теперь недостаетъ того, чѣмъ спаслась Россія послѣ Самозванцевъ, послѣ Француза, послѣ царевѣйства 1881 г.; недостаетъ—*покаянія*. Громко и открыто возносилось оно къ небесамъ во дни тѣхъ лихолѣтій. Даже 30 лѣтъ тому назадъ и печать, и профессура, и трибуны покрывались самобичеваніемъ. Россія спас-

лась, какъ спасся Благоразумный Разбойникъ, какъ спасался древній Израиль послѣ своихъ отступничествъ, какъ спаслась Ниневія послѣ проповѣди пророка Іоны. Теперь покаянія нѣтъ.

Порокъ, отступничество отъ вѣры, предательство родины, преступленіе, въ видѣ грабежей и убійствъ, сами собою не излѣчиваются, они излѣчиваются собственнымъ покаяніемъ, страланіемъ, добровольнымъ или невольнымъ, въ видѣ общественныхъ бѣдствій, вразумляющихъ народъ.—или, наконецъ, появленіемъ среди народа одушевленнаго, огненнаго проповѣдника покаянія и возрожденія.

Вотъ къ этой-то проповѣди и призываю я васъ, братіе, въ наше лихолѣтіе. Одного проповѣдника вся Россія слушать теперь не можетъ: она слишкомъ велика и многолюдна. Но если все наше пятидесятитысячное священство подниметъ голосъ покаяннаго плача, если будетъ постоянно предъявлять совѣсти общества и народа, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ сталъ, какія растерялъ онъ сокровища своего сердца и своего быта, какъ онъ развратился, какъ изолгался, какъ ослабѣлъ и какъ очерствѣлъ,—то этимъ, только этимъ средствомъ, будетъ возможно спасти нашу паству, нашу Русь, отъ конечнаго нравственнаго разложенія и гибели, или отвратить грозную божественную кару, какъ послѣднее средство для вразумленія народа. Пастырь Церкви! „взывай громко, не удерживайся; возвысь голосъ твой, подобно трубѣ, и укажи народу Моему на беззаконія его и дому Іаковлеву на грѣхи его!“ (Ис. 58, 1.).

Редакторъ А. Богдановъ.
Печатать разрѣшается. Цензоръ, Ректоръ Дух. Сем., прот. Н. Асташевскій.

Тип. М. И. Абалакова.